

УДК 821.161.1.09-94

**МОТИВ ЧУДЕСНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ
В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ» А. С. ПУШКИНА**

И. Л. Багратион-Мухранели

Московский городской психолого-педагогический университет
кафедра лингводидактики и межкультурной коммуникации

В статье рассматривается переход от Европы к Азии. Повествователь, исходя из цивилизационного принципа, четко разграничивает понятия идентичности и экзотический мир «других». Автор трезв и критичен в восприятии дорожных происшествий, лишен как восхищения чужой экзотикой, так и восхвалением воображаемой родины. Однако на глубинном фольклорно-мифологическом уровне присутствует мотив чудесного исцеления, который становится своеобразной основой травелога «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина. Это восприятие чудесного является частью исторической концепции Пушкина 1830-х годов.

Ключевые слова: *травелог, А. С. Пушкин, «Путешествие в Арзрум», элегия, чудесное, Кавказ, война, обновление жизни, историко-религиозные воззрения 1830-х годов.*

Герой «Кавказского пленника» стремился на Кавказ «за легким призраком свободы». Цель поездки автора «Путешествия в Арзрум» – скрыта от читателей. *«Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудой; вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Поехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой – слишком непристойно»* [6, т. 6, с. 640], – пишет А. С. Пушкин в предисловии.

На первый взгляд путевые заметки, написанные во время похода 1829 года, напоминают «собрание пестрых глав». Пушкин отказывается от литературного канона сентиментальных путешествий и не принимает образа повествователя хождений (паломник, деловой человек, землепроходец), которые объединяют различные жанровые структуры древнерусских травелогов. Пушкин избегает однозначной самоидентификации. Он предстает частным человеком, туристом, представляющим читателю новые ландшафты и новые характеры, «другие» народы, «другую жизнь и берег дальний» [6, т. 3, с. 66]. Пушкин-повествователь избегает романтической восторженности своих ранних произведений, в первую очередь «Кавказского пленника», старается придать реальность описаниям, низвести на землю мифы о Востоке, свойственные романтизму – о восточной роскоши, притягательности экзотики, обычаев – таких, как гарем, широко использует прием «поэтики обманутого ожидания» [7, с. 296]. «Переход от Европы к Азии» [7, с. 296], о котором Пушкин говорит в первой главе, становится сюжетным стержнем путешествия. Проблема идентичности империи в пространстве и времени создает в пушкинской прозе новые жанровые образования. Вопрос о жанровой специфике литературы путешествий, связи литературного канона и проблемы

идентичности, остается сегодня недостаточно разработанным, как в отечественном литературоведении, так и зарубежном [7]. «Путешествие в Арзрум» – сложно организованная книга, мотивная структура которой развивается необыкновенно насыщенно и динамично. Особенно тонко оркестрована категория времени. Описывая настоящее, непосредственные впечатления, Пушкин вплетает в них воспоминания о прошлом. И из сопоставлений *тогда* и *теперь* складывается картина непрерывности развития, продолжения тем, важных для поэта с юности и не потерявших со временем цены. В первой же главе Пушкин пишет: в Ларсе «нашел я измаранный список "Кавказского пленника" и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно» [6, т. 6, с. 651].

Еще до этого повествователь предупреждает читателя: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мои взоры, ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это – снежные вершины Кавказской цепи» [6, т. 6, с. 644]. Автор начинает описание подчеркнуто буднично, но сообщает нечто мифологически волшебное: через девять лет облака «все те же, все на том же месте» [6, т. 6, с. 644]. И раскрывает метафору, сопровождая ее реалистическим пояснением, что называет облаками «снежные вершины Кавказской цепи» [6, т. 6, с. 644]. Облачную цепь гор находим и в стихотворении «Монастырь на Казбеке». Характерно, что лирика кавказских впечатлений прописана более подробно, чем проза «Путешествия в Арзрум», если сравнить стихотворение «Калмычке» с соответствующим эпизодом первой главы. Зрелые размышления Пушкина о Кавказе базируются на непосредственных впечатлениях от обоих поездок. Среди первых впечатлений от посещения Кавказа с семьей генерала Раевского в поэме «Кавказский пленник» Пушкин писал: «Забуду ли его кремнистые вершины, // Гремучие ключи, увядшие равнины, // Пустыни знойные края» [6, т. 4, с. 105].

Уже в беглой зарисовке 1820 года – в стихотворении «Я видел Азии бесплодные пределы...» Пушкин находит исчерпывающую характеристику и дает настоящую формулу Кавказа: «Ужасный край чудес» [6, т. 2, с. 12]. В «Кавказском пленнике», как и в стихотворном цикле, созданном во время второго посещения Кавказа, он будет раскрывать различные грани этого определения. К «чудесам» в начале XIX века относились не только красоты природы, но и целебные «кислые воды», серные источники, которые привлекали на эти новые курорты самых разных людей («...там жаркие ручьи // Кипят в утесах раскаленных, // Благословенные струи!» [6, т. 2, с. 12]).

Обобщая свои кавказские впечатления, А. С. Пушкин представляет одним из мотивов новой поездки на Кавказ, в Арзрум, мотив чудесного исцеления. «Чудесное – ключевая категория поэтического мышления позднего Пушкина, получает в его философии истории 1830-х годов диахроническое значение – как трагизма истории, так и преодоления его» [3, с. 6], – пишет исследователь категории чудесного в творчестве А. С. Пушкина 1830–х годов А. И. Иваницкий.

Тема чудесного исцеления претерпевает трансформацию в «Путешествии в Арзрум».

В начале двадцатых годов в элегической литературе (в элегиях К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова, К. Ф. Рылеева, М. В. Милонова, самого А. С. Пушкина) мотив болезни связан не с физической хворью, а с духовным увяданием. Эта тема пунктирно намечена в «Путешествии в Арзрум». Пушкин противопоставляет духовное увядание и обретение физического здоровья на кавказском курорте.

Восприятие Пушкиным Кавказа складывалось из разных составляющих прежде, чем обрело завершенность мифа. «Ужасный край чудес» – не только пространство войны, плена, неволи. Одновременно Северный Кавказ был освоен как курорт. С Кавказом связаны надежды на чудодейственное исцеление. «Онегин сохнет, и едва ль // уж не чахоткою страдает. // Все шлют Онегина к врачам // Те хором шлют его к *водам*» (курсив А. С. Пушкина – **И. Б.-М.**) [6, т. 5, с. 191]. В отрывках из Путешествия Онегина, Онегин едет в Астрахань, и оттуда на Кавказ. Три строфы посвящены Тереку, Бешту, минеральным водам, размышлениям героя, которые заключает сентенция «Я молод, жизнь во мне крепка; // Чего мне ждаться? Тоска, тоска!..» [6, т. 5, с. 202]. Пушкин как бы помещает Онегина среди персонажей стихотворения «Я видел Азии бесплотные пределы». Возникает почти текстологическая переключка:

Надежда верная болезнью изнуренных.
Мой взор встречал близ дивных берегов
Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных седилах [6, т. 2, с. 12].

В «Путешествии Онегина»:

Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных тесница бледный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть – хотя на миг [6, т. 5, с. 201].

Пушкин собирался писать прозаическое произведение, условное название которого «Роман на Кавказских водах». Близок к пушкинскому плану «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова («Княжна Мери»). Кавказ будет притягателен для целой плеяды героев русской литературы, в числе которых Печорин, Оленин из «Казаков» Л. Н. Толстого. Путешествие на Восток в русской литературе становится источником наррации, в отличие от путешествия в Европу, которое, по остроумному замечанию Ю. В. Шатина, никуда не ведет. В романах XIX века «отъезд за границу в подавляющем большинстве случаев ни в коем случае не означает мотива путешествия, но означает нечто совсем иное» [8, с. 392]. В качестве наиболее яркого примера автор статьи «Отъезд за границу: судьба мотива в русской классической

литературе» [8] приводит заключительную фразу романа «Идиот», где «генеральша Епанчина гневно обрушивается на Европу: “И все это, и вся эта Европа, всё одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!” Лизавета Прокофьевна достаточно точно улавливает тот глубокий радикализм, который вызвал в русской литературе мотив заграницы и отъезда туда» [8, с. 392].

Не так обстоит дело в отношении путешествий на Кавказ, которые находятся в пределах отечества и вполне конкретны, разве что Оленин не в состоянии вообразить горы заранее. В «Путешествии в Арзрум», произведении итоговом и новаторском, А. С. Пушкин вспоминает о своем первом посещении Горячеводска: «Здесь нашел большую перемену: в мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красные следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома <...> везде порядок, чистота, красивость... Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но было жаль их прежнего, дикого состояния <...> С грустью оставил я воды и отправился обратно в Горячеводск» [6, т. 6, с. 644–645].

Внимание к деталям, к обычной жизни было традиционным для литературы русских путешествий со времен «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. «Хотя в формулировке <...> творческих принципов Карамзина, – пишет Ю. М. Лотман, – можно уловить черты сходства с идеями Руссо, столь близкими Л. Н. Толстому, смысл этих концепций глубоко различен: пафос Руссо и Толстого был в *упрощении* культуры, сведении ее к Природе, пафос Карамзина – в *усложнении*, обогащении культуры. Требование реабилитации простой жизни – быта, языка, психологии – имело особый смысл: литература “опускается” до жизни, но жизнь должна “возвысится” до литературы. Литература опрощается, но к жизни должны применяться чисто эстетические критерии» [4, с. 568] (курсив автора – **И. Б.-М.**). Пушкин учитывает опыт Карамзина – не только «Писем русского путешественника», но и «Истории Государства Российского». Ведь «Путешествие в Арзрум» пишет Пушкин – придворный историограф, наследник традиций прозы Карамзина. Он органично переходит от описаний к рассуждениям.

Во второй главе автор подробно рассказывает о чудодейственности тифлиских бань, затем в третьей главе пишет о горячих ключах железосерного источника близ Гассан-Кале, в преддверии Арзрума, где он чувствовал себя не очень хорошо: «Переплыл его два раза и вдруг почувствовал головокружение и тошноту, едва имея силу выйти на каменный край источника [6, т. 6, с. 688]. Описывая этот эпизод, вскользь замечает, что «не имея порядочных лекарей» в Азии, не имея цивилизации, природные ресурсы, сами по себе, еще не обеспечивают здоровья.

Противопоставление мусульманского мира, с его низким (по европейским меркам) уровнем цивилизации, проходит красной нитью через сравнения схожих явлений, вроде описания серных источников. Автор никак не артикулирует своих взглядов, но расположение материала само подводит читателя к выводам. Хочется отметить, что в «Путешествии в Арзрум»

Пушкин использует не противопоставление, а триаду Горячеводск – Тифлис – Турция. Он подвергает пересмотру также устоявшееся восприятие восточной роскоши и восточных красавиц, гарема как прообраза мусульманского рая. Промежуточными понятиями между Европой и «бесплодными пределами Азии» [6, т. 6, с. 693] выступает и секта езидов (мусульман, признающих культ христианских святых), и христианский Восток, Грузия. Характерно описание Тифлиса и особенно тифлиских бань.

Автор начинает со впечатлений от зрелища купающихся женщин в банный день: «Казалось, я вошел невидимкой. Многие из них были в самом деле прекрасны и оправдывали воображение Т. Мура» [6, т. 6, с. 660]. Далее Пушкин приводит цитату из поэмы «Лалла Рук», где восхваляется прелестная грузинская дева с ярким румянцем, когда она выходит разгоряченная из тифлиских ключей. Этот эпизод приведен как зеркальный к описанию в последней главе гарема турецкого паши: «Все они были приятны лицом, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей с г. Абрамовичем, была, вероятно, розою-повелительницей харема, сокровищницей сердец – Розою любви – по крайней мере, я так воображал» [6, т. 6, с. 698]. Это несколько ироничное описание напоминает описание мусульманского рая.

Но в «Путешествии в Арзрум» есть еще одно описание розы: «Голос песен грузинских приятен; мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая поэтическое достоинство.

Душа, недавно рожденная в раю! Душа, созданная для моего счастья!
От тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

От тебя, Весна цветущая, от тебя, Луна двунедельная, от тебя, ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром: хочу твоего взора. От тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росой! Избранная любимица природы!

Тихое, потаенное сокровище! От тебя ожидаю жизни» [6, т. 6, с. 662].

Это стихотворение современного Пушкину поэта Дм. Туманишвили. Считается, что «песня эта привлекла внимание Пушкина во время его пребывания в Тбилиси» [2, с. 122]. Это, несомненно, так, но вопрос в том, впервые ли ее слышал Пушкин в Грузии или уже был знаком с ней ранее.

Наследие Д. Туманишвили невелико – 34 стихотворения анакреонтического типа, в жанре «мухамбази». Они распространялись в списках современниками и продолжали пользоваться популярностью долгое время спустя. Туманишвили был секретарем последнего грузинского царя Георгия XII, а затем жил в эмиграции, в Петербурге, у одного из грузинских царевичей – Михаила, депортированного в столицу империи после присоединения Грузии. Биография Д. Туманишвили остается не выясненной до конца. Некоторые исследователи [2, 199] считают, что поэт вернулся в Грузию, где умер в 1821 году, другие – что он похоронен в Петербурге. Большинство сходится на том, что стихотворение «Ахал агнаго» было написано в Петербурге. Мы делаем предположение, что Пушкин был знаком с этими стихами еще до приезда в Тифлис.

15 мая 1829 года Пушкин пишет «На холмах Грузии», «Я снова юн и твой» [6, т. 3, с. 112]. Возвращение чувства, возвращение жизни, любви, обращение к возлюбленной – эти мотивы роднят стихотворение Пушкина, написанное ранее (К ***), со стихами Туманишвили – «От тебя, бессмертная, ожидаю жизни» [2, с. 122]. В черновиках пушкинского стихотворения, прочитанных С. М. Бонди, есть новый вариант любимой Пушкиным строки Саади (ср. эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану» и стих в последней строфе «Евгения Онегина» – «Иных уж нет, а те далече»). В стихотворении «На холмах Грузии» эта строка «Иные далеко, иных уж в мире нет». Таким образом, стихотворение содержит некие отсылки к восточной традиции. Что побудило Пушкина во время написания «Путешествия в Арзрум» в 1829–1835 годах в качестве образца грузинской поэзии привести стихотворение того типа поэзии – анакреонтики, которому он сам отдавал дань в юности, но которым перестал увлекаться к моменту написания «Путешествия»? Простым незнанием грузинских поэтов? Вряд ли.

В 1802 г. Е. Болховитинов издал «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии». В работе над ней приняли деятельное участие грузинские эмигранты в Петербурге – царевичи Иоанн, Баграт и Михаил, епископ Варлам Эристов, посол Гарсеван Чавчавадзе, первый секретарь посольства Георгий Авалишвили. В книге были разнообразные сведения о грузинской литературе, переводы строф Руставели и «Гамариани» Чахрухадзе, образцы народной поэзии. В 1827 году Д. Чубинов (Чубинашвили) напечатал в майском номере французского журнала «Азиатский вестник» статью о поэме Руставели.

Еще в 1821 году в примечаниях к «Кавказскому пленнику» А. С. Пушкин писал: «Счастливый климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны» [6, т. 4, с. 132]. Поэт обнаруживает серьезное знакомство с материалами по Грузии и Кавказу, что подтверждается и мемуарами. Следовательно, у поэта была причина обратиться к стихам именно Туманишвили. Вероятно, она была связана с личными событиями, воспоминаниями петербургского периода его юности. Грузинская колония в Петербурге была велика. Престиж грузинских женщин как самых красивых в мире утверждал еще любимый поэт юности Пушкина Э. Парни: В девятой песни «Войны богов» читаем: «И в Грузию с рассветом прилетаю // Два слова: «женщина» и «красота» // Сливаются в одно и то же слово // На языке грузин; моя мечта – // Остаться там, но я – в Париже снова» [1, с. 38].

Стихи Дм. Туманишвили перекликаются с пушкинскими строками 1827 года, в которых роза предстает частью мифологии:

Есть роза дивная: она
Пред изумленной Киферой
Цветет, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.

Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза –

Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза... [6, т. 3, с.10]

В «Путешествии в Арзрум» поэт пишет о Кавказе как о месте сакральном, исцеляющем. Тема эта поддержана и усилена стихотворением «Стамбул гяуры нынче славят» [6, т. 6, с. 694–695], где тема греха и праведности, духовного здоровья и физического, тведыня веры обеспечивают крепость военную («Стоит белеясь Ветилуя») и обновление жизни, и восприятием горы Арарат как началом христианской истории. Всемирная история начиналась со всемирного потопа, изложенного в книге Бытия: «"Что за гора?" – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: "это Арарат". Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни – и врана, и голубицу излетающих, символы казни и примирения» (курсив наш – И. Б.-М.) [6, т. 6, с. 670]. Религиозные реминисценции пронизывают текст «Путешествия в Арзрум», эпизоды «простой жизни» имеют символический смысл.

Погружение в целебные воды аналогично погружению в крестильную купель. Поэтому автор дает симметричное контрастное описание источника в Гассан-Кале: «Тут посетил я круглое каменное строение, в коем находится горячий железно-серный источник. Круглый бассейн имеет сажени три в диаметре. Я переплыл его два раза и вдруг почувствовал головокружение и тошноту и едва имел силу вытти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востоке, но, не имея порядочных лекарей, жители пользуются ими наобум и, вероятно, без большого успеха. Под стенами Гассан-Кале течет речка Мурц, берега ее покрыты железными источниками, которые бьют из-под камней и стекают в реку. Они не столь приятны вкусу, как кавказский Нарзан, и отзываются медью» [6, т. 6, с. 688]. Думается, что автор включает это описание для того, чтоб читатель различал *свое / чужое*. «Ночи знойные! Звезды чуждые» [6, т. 6, с. 665], – этими строчками во второй главе Пушкин предваряет рассказ о чуждом серном источнике и понимал, что исцеление невозможно исключительно на физическом уровне, на уровне тела, без чудесного исцеления духа.

Список литературы:

1. Горгидзе, М. Грузины в Петербурге. Страницы летописи культурных связей [Текст] / М. Горгидзе. – Тбилиси : Мерани, 1976. – 40 с.
2. Дондуа, К. Пушкин в грузинской литературе [Текст] / К. Дондуа // Пушкин в мировой литературе : сб. ст. Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском Государственном Университете. – Л. : Гос. изд-во, 1926. – С. 199–214.
3. Иваницкий, А. И. Категория чудесного в творчестве А. С. Пушкина 1830-х годов [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / А. И. Иваницкий ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2001. – 38 с.
4. Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры [Текст] / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л. : Наука, 1987. – С. 710–721.
5. Мурьянов, М. Из символов и аллегорий Пушкина [Текст] / М. Мурьянов. – М. : Наследие, 1996. – с. 280.

6. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР (Пушкинский Дом), М.-Л., Издательство Академии Наук, 1949. – Т. 2 : Стихотворения 1820–1826. – 464 с. – Т. 3 : Стихотворения 1827–1836. – 540 с. – Т. 4 : Поэмы, сказки. – 552 с. – Т. 5 : Евгений Онегин. Драматические произведения. – 622 с. – Т. 6 : Художественная проза. – 814.
7. Сорочан, А. Ю. Туда и обратно: новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки [Текст] / А. Ю. Сорочан // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 112. – С. 296–312.
8. Шатин, Ю. В. Отъезд за границу: Судьба мотива в русской классической литературе [Текст] / Ю. В. Шатин // Традиция и литературный процесс. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, науч.-изд. центр ОИГТМ СО РАН, 1999. – С. 392–396.

MOTIV OF THE *MIRACULOUS HEALING* IN PUSHKIN'S "JOURNEY TO ARZRUM"

I. L. Bagration-Mukhraneli

Moscow City' University of Psychology and Education
The department of linguodidactics and intercultural communication

This article deals with transition from Europe to Asia. Based on of the civilized principle, the narrator clearly distinguishes the concept of identity and the exotic world of the "others." The author is sober and critical in perception of road incidents, and avoids both as an admiration with the others' exotic, as well as a praising of the imaginary homeland. However, a positive initiation, manifesting itself at a deep folk and mythological level, is the motif of miraculous healing, which becomes a subbase of A. Pushkin's travelogue "Journey to Arzrum". And the final Renew and Life, the world gets with the transition from pagan religion to Christianity. The rain, which has overtaken the storyteller on the Mount Ararat symbolically related to the Flood, Noah's Ark, and gives him hope for a life renewal. This perception of the miraculous is a prominent part of Pushkin's historical concept in 1830s.

Key words: *travelogue, A. S. Pushkin, "Journey to Arzrum", elegy, miraculous, the Caucasus, the war, renewal of life, historical and religious beliefs of the 1830s.*

Об авторах:

БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ Ирина Леонидовна – доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Московского городского психолого-педагогического университета (127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29), e-mail: mybagheera@mail.ru